

ТЕОЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ: РАЗГОВОР С ДОКТОРОМ ФИЛОСОФСКИХ НАУК ОЛЕГОМ ДАВЫДОВЫМ

Подготовила
ЕЛИЗАВЕТА ТРОФИМОВА

Трофимова Елизавета Андреевна — студентка Санкт-Петербургского государственного университета, факультет свободных искусств и наук, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: lisalynnette24@gmail.com

Не секрет, что современная эстетика занимается самыми разными вещами от китча до видеоигр. Рассуждения о красоте кажутся излишне классицистскими и устаревшими. Однако неизвестная широкому отечественному читателю богословская эстетика оперирует именно классическими категориями: продолжая мысль католического теолога Ханса Урса фон Бальтазара и советского академика Аверинцева, она ставит предельный вопрос возвращения красоты в реальность. Актуальность синтеза богословия и эстетики проявляется особенно отчетливо в современном ощущении дереализации, «утраты реальности» — можно вспомнить «спор о подлинности» Хайдеггера и Адорно, обратиться к работам Бодрийяра или Ги Дебора. Именно обретение реальности и становится главной задачей богословской эстетики. О том, каковы методы возникшей в середине XX-го века науки, как она развивалась и каковы ее дальнейшие перспективы, удалось поговорить с доктором философских наук Олегом Борисовичем Давыдовым — профессором Московской духовной академии преподавателем Московского Летнего Богословского института, научным работником Дальневосточного федерального университета и колумнистом gfter.ru

Ключевые слова: Теоэстетика, подлинность, Ганс Урс фон Бальтазар, Дэвид Бенгли Харт

INTRODUCTION TO THEOLOGICAL AESTHETICS: AN INTERVIEW WITH OLEG DAVYDOV

Prepared by *Elizaveta Trofimova*

Saint Petersburg State University, Faculty of Liberal Arts and Sciences
St. Petersburg, Russia

E-mail: lisalynnette24@gmail.com

It is not a secret that contemporary aesthetics deals with a variety of subjects from kitsch to video games. Contemplations on beauty may seem overly classicist and outdated. However, theological aesthetics, unknown to the general Russian public, operates with precisely classic categories: continuing the thought of Catholic theologian Hans Urs von Balthasar and Soviet academic Averintsev, it raises the ultimate question of returning the beauty into reality. The actuality of synthesis of theology and aesthetics manifests with especial clarity in the contemporary feeling of derealisation, “loss of reality” — it is possible to recall “the debate on authenticity” of Heidegger and Adorno, to address to the works of Baudrillard or Guy Debord. It is the acquisition of reality that becomes the main task of theological aesthetics. It became possible to discuss the methodology of this scientific discipline that emerged in the middle of the 20th century, its development and further perspective, with Oleg Borisovich Davydov, Doctor of Philosophy — professor at Moscow Theological Academy, a lecturer at the Moscow Summer Theological Institute, a researcher at the Far Eastern Federal University and a columnist at *gefter.ru*.

Key words: Theological aesthetics, reality, Hans Urs von Balthasar, David Bentley Hart

Е. Т.: Что такое теоэстетика? Это раздел скорее философии или богословия? Каковы ее главные задачи, чему она служит?

О. Д.: Начну с ответа на второй вопрос, поскольку он зависит от того, как понимается соотношение философии и богословия, а также теоэстетики как стиля христианской мысли. Более того, само это разделение является относительно поздним изобретением, тогда как на протяжении практически всей христианской эпохи автономной от богословия философии не существовало. Такое соотношение было актуальным только потому, что появление автономной философии было чревато рецидивами язычества, но и потому, что богословие было тем широким контекстом, в котором двигалось всякое познание реальности силами естественного разума. Богословская

эстетика или теоэстетика представляет собой продолжение этой, в сущности, магистральной линии христианской мысли, и понимание данного обстоятельства помогает уяснить существо этого богословского и культурного явления. Объединяя видение, воображение, восприятие формы божественного и созерцание красоты, теоэстетика есть, прежде всего, богословие, истолковывающее Божественное Откровение. По замыслу «отца» теоэстетики, швейцарского католического богослова Ганса Урса фон Бальтазара, богословская эстетика является альтернативой философской эстетике в ее канонической современной форме, так как она сформировалась в классическом немецком идеализме как строгой науке о прекрасном и возвышенном. Модерн сделал мыслящего человека мерой вещей и тем, кто судит реальность, предавая забвению бытие в его тайне. Важно понимать, что богословская эстетика не преследует цели введения эстетики в традиционное или современное богословие или подчинения одного другому, что было бы лишь повторением идеалистического жеста присвоения красоты. Отношения между философией и богословием в теоэстетике не являются ни дуализмом, ни различием, ибо они развиваются в контексте и перспективе аналогии. Восходящий к высокой схоластике принцип аналогии бытия предполагает наличие сходства между творением и Богом, притом, что несходство между ними всегда больше. В контексте философии это означает, что она необходима для христиан, ибо богословие начинается с рассмотрения вещей видимых, но философия не является достаточной, а требует Откровения невидимого, о котором говорит богословие. В нынешнюю эпоху, когда Бог и бытие преданы забвению, истина отвергнута, благо релятивизировано, а красота унижена, христиане призваны быть и метафизиками, и богословами, стражами реальности, истины, блага и красоты бытия.

Богословская эстетика исходит из широкой патристической и схоластической традиции созерцания реальности и речи о творении как аналогическом выражении совершенств триединого Творца. Поэтому богословская эстетика ставит вопрос не возвращения красоты, а возвращения современного человека к всегда присутствующей красоте мира, сотворенного из ничего, не име-

ющего оснований в себе и существующего как поверхность, отражающая бесконечный свет любви Творца. Теозстетика не является инструментом принуждения или доказательства, это убеждающая и призывающая риторика, исходящая и созерцания и возвращающаяся к нему, никогда не отрывающаяся от созерцания и послушания, ибо христианская экзистенция есть динамическое уподобление Христу, чья миссия в истории спасения идентична предвечному тринитарному послушанию Сына Отцу. Таким образом, теозстетика развивает классические богословские темы в соответствии с первенством красоты, что становится крайне актуальным в современных условиях, в обращении к человеку постмодерна, скептически настроенному в отношении универсальных смыслов и моральных поучений, но открытому к эстетическому опыту.

Основным мотивом теозстетики по Бальтазару является видение и интерпретация реальности как манифестации Славы Божией. Красота одновременно как третья трансценденталия бытия и как имя Божие соответствует Славе Божией, явленной в творении и Воплощении. Свидетельство Славы разворачивается как двуединство путей красоты Откровения и созерцания красоты тварного бытия как конечного отражения бесконечного. Однако, все это, конечно, помимо интеллектуальной дисциплины требует *preambulafidei* и церковно ангажированного самосознания, ибо богословие не есть сугубо индивидуальное дело, но существует только как дело сообщества верующих.

Е. Т.: Как она возникла? Как связана с культурной традицией, что ей предшествовало, существуют ли богословские / философские работы, которые могут быть названы ее «предтечами»?

О. Д.: Видение реальности как сияния красоты не является изобретением или новшеством недавнего времени. Напротив, видение мира как простой данности, пассивной объективности, служащей пространством и материалом для креативного самовыражения субъекта, для агрессивной эксплуатации, для проецирования субъективных смыслов, ценностей и чувств, выбивается из тысячелетней традиции видения реальности. Теозстетика не привносит неких новых смыслов или оригиналь-

ных интерпретаций, она не является наукой или дисциплиной, это само богословие, принадлежащее колоссально разнообразному потоку христианской истории, выражающей христианский опыт бытия и реальности, созерцания и делания, молчания и риторики. Это встреча с реальностью, как тем, что дарует себя в удивительном единстве любви и красоты, но при этом тем, что остается скрытым и превышающим границы человека. Этот опыт соответствует природе человека и сопровождает его от самого рождения. Красота тварного мира во всех его проявлениях, включая природу и искусство, сегодня не менее удивительна и потрясающа, чем в Средневековье или во времена Христа.

Смыслы разъединяют, истина объединяет, ценности обесценивают, благо примиряет, красота осеняет единство истины и блага. И в опыте изначального различия бытия и сущего, того, что явлено, и того, что в явленности остается сокрытым, рождается удивление, то есть начало и философии, и богословия, и искусства.

Е. Т.: Кого читать, чтобы ознакомиться с ее положениями? Какой бэкграунд необходим для лучшего понимания?

О. Д.: Как таковая теозстетика может быть включена в качестве богословского контекста во всякое постижение прекрасного через литературу, музыку, театр, философию. Для непосредственного вхождения в тему могу порекомендовать сборник текстов великих современных авторов под общим названием «Богословие красоты», изданный Библейско-богословским институтом (ББИ) в 2014 году. Красота как трансценденталия бытия, как свойство самой реальности, может быть воспринята только в широкой метафизической перспективе нарратива о бытии, о явленности и проявляемости сокрытого в сущем. Поэтому для основательного вхождения в теозстетику необходимо ориентироваться в современной континентальной философии и круге вопросов, связанных с фундаментальной онтологией Хайдеггера и его интерпретаторов. В этом году вышла моя книга по теозстетике, в которой я обращаюсь к теозстетике в контексте богословского осмысления творения и его бытия как аналогии бесконечной тринитарной красоты. Ну и, конечно, чтение работ Ганса Урса фон Бальтазара будет необходимым для каждого, кто

имеет намерение приобщиться к сокровищам высочайшей мысли из первоисточника. Благо, что сегодня появилась возможность читать Бальтазара и на русском языке.

Е. Т.: Как обстоят дела с теозстетикой в России? Насколько я знаю, занимаются ею у нас немногие. Кого бы вы выделили?

О. Д.: Что касается русскоязычного контекста, то в нем, в отличие от англоязычного, ситуация с теозстетикой несравнимо более скромная, что можно объяснить тяжело изживаемыми конфессиональными предрассудками и общей богословской незрелостью постсоветской культуры, непониманием того, что такое богословие и каковы его цели. В этом очень ярко проявляется секулярное, типично модерное сознание современных верующих, которому соответствует восприятие реальности как «чистой природы», автономной и безличной системы исключительно физических явлений и процессов, которая не являет и не свидетельствует в каждом моменте о Творце. Однако, постепенно происходит изменение ситуации, в первую очередь связанное с подвижническим трудом издательства ББИ, издающего переводы Бальтазара и других крупных современных богословов, пишущих на тему богословской эстетики. Но существует проблема с рецепцией и распространением этого богатейшего материала. Нет сообщества, некому читать и обсуждать эти тексты, ибо русскоязычные авторы просто выключены из мировых богословских процессов и варятся в собственном соку. Впрочем, есть и положительные моменты. Меня радует то, что в последнее время к богословской эстетике стал расти интерес среди деятелей церковного искусства, и это естественно, поскольку люди, непосредственно живущие красотой и творчеством, более восприимчивы к вести о красоте. Надеюсь, что круг людей, вовлеченных в эти процессы, будет расширяться за счет представителей не только церковного искусства, но и других областей творчества. Всякое подлинное искусство говорит об отношении человека к Богу, и это так, даже в том случае, если автор не мыслит об этом.

Е. Т.: Популярна ли теозстетика вообще? Почему?

О. Д.: Темы отношения к красоте, к искусству и его содержанию, соотношение веры и воображения, чувства и разума —

все это входит в круг насущных вопросов как для светской, так и для христианской культуры. На протяжении последних трех десятилетий в мире происходит перманентный рост интереса к теозстетике и наследию Бальтазара. Обсуждению и развитию его идей посвящено большое количество книг и статей, число которых растет год от года. И тем не менее нельзя сказать, что это разнородное движение сформировалось в некую богословско-философскую школу, а скорее представляет собой стиль мысли и языка, вдохновляющийся глубочайшими прозрениями крупнейшего и оригинальнейшего мыслителя. В общем культурном и философском контексте чувствуется определенная усталость от постмодернизма, не предлагающего никакой конструктивной повестки, но лишь эксплуатирующего деконструктивистские стратегии. Я не говорю о том, что в нынешних условиях более или менее удачной может быть некая реконструкция тех больших нарративов, которые некогда определяли видение реальности и ее постижение. Скорее меня привлекает новое, творческое, а значит и ответственное прочтение традиции, улавливающее в ней эстетические мотивы в том модусе, о котором говорит богословская эстетика. Так или иначе, теозстетический нарратив есть лишь развернутый и бесконечный комментарий к первичному экзистенциальному опыту встречи с реальностью, с бытием, являющимся на сцене мира в удивительном и притягательном, всегда инаковом, но при этом исходящем из единого истока сияния красоты.

Е. Т.: Как вы сами пришли к теозстетике? Что видится вам самым важным? Что еще предстоит сделать / открыть / создать?

О. Д.: Будучи профессиональным философом и православным человеком, в определенный период своей жизни я очень напряжено искал путь преодоления конфликта секулярной философии и христианского богословия. Прочитав книгу словенского философа Горазда Коциянчича «Введение в христианскую философию», я увидел, что современная христианская мысль не только «на уровне», но и далеко превосходит любые постмодернистские и модернистские нарративы в своей радикальности и глубине. В 2011 году ББИ издал перевод книги

Дэвида Харта «Красота бесконечного. Эстетика христианской истины», непревзойденный эталон богословия для постмодернистской эпохи, и эта великая работа стала для меня знаковой. Именно Харт мастерски продемонстрировал то, что в постмодернистскую эпоху христианский нарратив о реальности не только находится «на уровне», но и является более радикально эстетическим и освобождающим от насилия и идолопоклонства, чем какой-либо иной, что красота не есть лишь экстравагантное дополнение к каким-либо вечным смыслам или моральным законам, но есть первое, и последнее, Слава Божия. Поскольку Харт позиционирует свой богословский проект как развитие интуиций Бальтазара, то я обратился к изучению и усвоению огромного корпуса текстов классика и открыл для себя целый мир неисчерпаемой красоты и радости, созерцания и молитвенного мышления.

На сегодняшний день открываются большие перспективы с точки зрения внимательного и неспешного диалога теозстетики и современного христианского искусства, церковного и нецерковного. История христианства продемонстрировала, что богословие выходит далеко за рамки догматических и культовых потребностей церкви и пронизывает всю культуру, всю человеческую жизнь. Христиане не обладают монополией на выражение красоты, и потому свидетельствовать о красоте творения могут художники, которые не обращаются напрямую к религиозным сюжетам. Однако современная эпоха нестабильности, кризиса и разочарования оставляет мало места для эстетики красоты в ее классических образцах. Люди отказываются от поиска и созерцания красоты в повседневной жизни, в природе и в искусстве, и теозстетика в союзе с различными направлениями светского и церковного творчества остается практически последним звучащим голосом, возвещающим и защищающим красоту. Для меня теозстетика представляет собой рассказ о реальности, в наибольшей мере соответствующий моему экзистенциальному опыту и интеллектуальной биографии. Красота есть тот сияющий луч, в котором глубочайший центр экзистенциальной ситуации переплетается с откровением бесконечного.